

Над седой равниной моря ветер тучи собирает.
Между тучами и морем гордо реет Буревестник,
черной молнии подобный.

Максим Горький, «Песня о Буревестнике»

Арне породил Эйвинда, Эйнара и Эмиля.

Эйнар породил Сунниву.

Эмиль породил Гюнхиль, Элизу и Сверре.

Сверре породил Агнес, Мортена и Хедду.

Мортен породил Асбьёрна, Арне, Тею и Ранхиль.

Асбьёрн породил Тора, Лене и Арне.

Тея породила Кристоффера, Боргильду, Дага и Озе.

ПРОЛОГ

У острова не было названия.

Правда, как-то раз один рыбак проплывал мимо и, глядя на острые выступы камней, назвал его Шрамом. Остров походил на бунтаря, который отделился от берега, не пожелав быть частью суши, — нервный, неровный, поведавший за тысячелетия волны и дожди, льды и приливы и оттого весь будто усеянный суровыми морщинами.

Камни и кусты под беспросветным небом на вечном ветру: Шрам отвергал людей, как когда-то Большую землю. Потерянная бусина ожерелья.

Наверняка у его берегов кто-то не раз терпел кораблекрушение — иначе и быть не может, потому что остров выступал за мелководьем и в туман или при высоких волнах становился невидимым.

В этих краях жила легенда о пирате — потомке короля викингов. Говорят, несколько веков назад он высадился на острове и в узком глубоком ущелье спрятал свои сокровища. Но те, кто последовал за ним в поисках богатства, нашли только камни и несчастья.

Вот так остров стал Шрамом. Это название не значилось ни на одной карте, но моряки говорили так и старались держаться подальше от мрачного места. Одна даже мысль о нем наводила ужас... И так продолжалось веками.

«Шрам Арендала» — вот и всё, что можно было узнать об острове от людей в порту. О нем не принято разговаривать. Лучше промолчать.

Арне

1

В ночь на 12 июля 1812 года неподалеку от Лингёра капитан британского судна Джеймс Паттисон Стюарт, более известный как Безумный Джим, всего за пятнадцать минут выпустил четыре с половиной тонны снарядов в разоруженный фрегат датско-норвежского флота «Наяда», на котором молодой Арне Бьёрнебу служил рулевым.

Арне выжил, но потерял слух и сильно обжег лицо. Когда он пришел в себя и понял, что случилось, то онемел. Навсегда отказался от речи.

Нельзя сказать, что прежде Арне был разговорчивым, напротив — из тех молчаливых типов с огрубевшей душой, кто привык к усталости и одиночеству. К тому же его воспитал старик Уле Бьёрнебу, а это значит, что Арне рос в постоянном страхе. Мальчик никогда не слышал больше дюжины слов, половина из которых — проклятия и оскорбления. Так что невеликая то была жертва с его стороны — сомкнуть рот, забыть звучание слов и молча наблюдать ленивое и безразличное течение жизни.

После битвы с Безумным Джимом Арне попал в больницу городка Кристиансанна. Там он даже подумывал о самоубийстве. Эти настроения не покидали Арне и после того, как он вышел из больницы. Влажные зловонные повязки стали его второй кожей. Казалось, это никогда не кончится! С особенной силой желание покончить со всем проснулось, когда впервые после больницы бывший моряк осмелился

взглянуть в осколок зеркала. Арне не узнал своего лица, яростно и горько вскрикнул — но не услышал собственного крика и в отчаянии схватил острый осколок.

И всё-таки нет, он не покончил с собой — потому что был верующим и не из тех трусливых слабаков, которые бегут от трудностей. И из-за старика, который научил его бороться — какой бы сложной и неравной ни была битва. И вот в нелепом и бессмысленном желании отомстить миру за отсутствие радости и родительской любви в детстве, а также за то, что теперь он остался без слуха и без лица, Арне лишил ненавистный мир своих мыслей и голоса.

С военно-морской службы его уволили: на флоте не нужен глухой моряк, не способный расслышать приказ. Маленький кошель с монетами — всё, что полагалось при увольнении. Арне решил, что лучше всего для него будет вернуться в горы Сетесдаля — там в селении Омли стоял пустой дом, принадлежавший старику Уле.

Когда Арне был маленьким, старик обращался с ним сурово, а иногда и жестоко. Дело в том, что Уле понятия не имел, как правильно обходиться с детьми, к тому же в нем жила обида на племянницу: перед смертью она навязала ему заботу о своем ребенке — живом напоминании о постыдной связи. Суровый старик сделал всё, чтобы у нежданного наследника всегда была крыша над головой и еда на столе, но этого оказалось недостаточно для малыша — печаль и страх неизменно росли в маленьком существе, не знавшем тепла и нежности. И всё-таки Уле научил его переносить лишения и принимать неизбежное. Возможно, именно благодаря урокам старика Арне всё-таки не лишил себя жизни.

Когда Уле умер, оставив мрачное, неподъемное хозяйство, мальчику исполнилось всего тринадцать лет. С тех пор Арне жил — и выживал, — следуя принципам старика, которые отныне стали и его собственными. Позади дома был огород, и, спасаясь от голода, он немислимыми усилиями извлекал живительные капли крови из холодного,

окаменевшего тела земли. Каждый день его жизни напоминал предыдущий. Каждый день — тысячи повторяющихся движений. Юноша не подозревал ни о каком другом образе жизни, кроме того, что достался ему от старика, никакие мысли, если они не были связаны с выживанием, у него не появлялись. Но однажды он услышал о войне. Кто-то сказал, что на флот набирают молодых людей: морякам предстояло сражаться с английскими кораблями. Всё, что окружало Арне, показалось ему вдруг таким ничтожным и бесполезным. Он продал овец соседу, заколотил досками окна и дверь, последний раз взглянул на каменистое поле и могилу старика, а потом помчался к побережью — наниматься на военную службу, испытывая чувство, которому не знал названия.

Тяготы жизни на какое-то время отступили. Судьба дала ему возможность научиться плавать и сражаться, понимать причуды моря, различать ветра и облака, а еще разбираться в людях, похожих на море своим непостоянством. Арне даже стало казаться, что теперь он сам себе хозяин и будущие дни подчинены его воле. Восставшая душа молодого моряка была подобна губке, впитывающей жизнь. За это время он научился читать и писать. Он узнал женщин. Но всё закончилось. Однажды летним днем вернулась его прежняя жизнь — та, знакомая с детства, которая душила его, лишала свободы и вечно требовала невозможного. А ведь Арне наивно верил, что жестокое прошлое ушло навсегда. Оружие Безумного Джима сделало его глухим и безлицим, вернуло в мир жестокой неизбежности, которой старик Уле, задыхаясь от ярости, всё-таки научился подчиняться.

Арне решил, что, вернувшись в Омли, он почтит память старика и, возможно, обретет покой.

Теперь, когда вместо всех звуков на свете Арне мог слышать только собственные мысли, они казались ему слишком шумными и навязчивыми. Он никак не мог от них избавиться, и порой это казалось невыносимым. Арне нередко думал о матери, хотя даже не помнил ее

лица. Ему было всё равно, красивая она или нет, и плевать на то, что однажды старик с презрением назвал ее «шлюхой». Он представлял ее бесконечно одинокой маленькой женщиной с ребенком на коленях, и этот образ успокаивал его в самые горестные минуты. Старик представлялся в его воспоминаниях свернувшимся по-собачьи на измятых грязных простынях с бледным восковым лицом — таким Арне увидел его однажды утром и понял: дед Бьёрнебу умер. Каким маленьким казалось его тело и нелепой — суровость, в которую он кутался всю жизнь. Арне хорошо помнил то постыдное облегчение при виде мертвого Уле — словно глубокий вздох после долгих страданий. Теперь вокруг мыслей о старике пульсировало что-то похожее на теплое чувство — будто пришедшее из памяти, сдержанное и невыраженное. Но всё-таки жившее всего лишь в воображении. Черствость характера и эмоциональная мертвенность Уле Бьёрнебу передались Арне, как болезнь.

Когда он подумал о старике и о том, чтобы почтить его память, то поймал себя на мысли, что никакой памяти о старике и нет.

Арне остановился у дороги в одной из портовых таверн Арендала. Узкие улочки спускались и поднимались, скрываясь за горизонтом. Поблекшие дома прижимались друг к другу, рыболовных сетей в них было больше, чем жителей. Арне достал несколько монет, которыми от него откупился военно-морской флот. Он заказал себе выпить — чтобы утопить досаду и горестные воспоминания. Он так и не вернулся в Омли.

Словно беспокойный дух, Арне появлялся и исчезал на самых грязных и мрачных постоялых дворах, сидел за бутылкой, терзаемый мыслями и жалостью к себе. Иногда кто-нибудь истово принимался его утешать. Он не боялся показывать свое опаленное лицо — чужое мнение для него ничего не значило. Напротив, он, казалось, наслаждался ужасом тех, кто решался взглянуть на него. А возможно, ему просто нравилось снова — пусть и ненадолго — оказаться в обществе.

В конце концов его стали называть Немым, хотя он и мог разговаривать, только не слышал, и считали неотъемлемой частью таверн, подобно непристойностям и ругательствам.

2

Первые дни 1814 года Немой проводил в худшей таверне в порту. Как раз в то время, несмотря на Кильский договор, по которому Норвегия окончательно перешла к шведской короне, в Эйдсволле зарождалось стремление к национальной независимости и конституции — в духе Руссо, Локка и Монтескье. Идеи о свободе проносились как внезапный ветер — новые и смелые. В Арендале недавно создали гильдию торговцев, и ее участники ратовали за строительство маяка на входе в порт. Они считали, что маяк придаст городу больше значимости, будет способствовать мореходству и укрепит национальный дух, который сильно ослаб за время последней войны и четырех веков опостылевшего датского владычества. До сих пор маяком у побережья пролива Галтесунд служило каменное сооружение на вершине лесистого холма, построенное больше полувека назад. Этот маяк работал на угле, и его свет был слаб, едва различим уже на расстоянии полумили. А риск пожара, наоборот, слишком велик.

Место для будущего маяка выбирали долго. Моряки обошли все окрестные острова и неприступные каменистые выступы, омываемые волнами, обдуваемые ветрами. В конце концов выбор пал на Шрам — безымянный клочок суши в четверти мили от городского порта. Но из-за неровной поверхности острова и отсутствия четкой береговой линии строительство пришлось отложить и поначалу сделать из гидравлической извести насыпь длиной двадцать метров. Это обошлось в значительную сумму — тысячу риксдалеров. Зато теперь у острова появился причал, и вода у его берегов стала спокойной.

Строительные работы завершились в конце лета 1815 года. На торжественной церемонии собрались почти все граждане Арендала.

Красно-желтый маяк, выкрашенный в цвета округа, стал гордостью города.

Но маяк без смотрителя — всё равно что корабль без капитана. Или маленькое королевство без короля.

3

— Дорогой мой, выбор смотрителя маяка — непростая задача, — сказал Пелле Йолсен, глава гильдии торговцев Арендала. Он сидел за столиком в таверне мадам Столтенберг на улице Вестерледе, двадцать три, в компании главного инспектора городка Сигурда Сандемоса.

— Кто же спорит? — спросил Сигурд.

— Это не то же самое, что назначить привратника, или посыльного, или кого-то в этом духе.

— Ну конечно, нет!

— Деликатное задание.

— Очень деликатное, я бы сказал.

— И потом, кто согласится жить в заточении среди этих безжизненных камней, обдуваемых всеми ветрами, чтобы только не дать фитилю погаснуть? Вы бы вот решились?

— Я? А почему вы меня об этом спрашиваете?

— Да просто ради интереса. Так пошли бы на такую должность?

— Слава богу, у меня уже есть работа. Я как-никак главный инспектор города!

Он произнес это с такой гордостью, будто и в самом деле его слова означали нечто исключительно важное.

— Допустим. Но если бы вы сидели без работы и не были главным инспектором Арендала, то согласились бы стать смотрителем маяка?

Сигурд Сандемос закрыл глаза, изогнул густые брови и задумался. И даже шум таверны, кажется, не мешал ему размышлять. Он был маленьким и худым, точно иссохшая ветка, и совершенно не похож на своего собеседника, который так и дышал энтузиазмом и жаждой деятельности.

— Я, говорите?

— Вы, вы! С кем же еще, по-вашему, я тут общаюсь? Так что? Ответьте!

Инспектор покачал головой:

— Боюсь, время на этом необитаемом острове тянется слишком долго...

— Бесконечно, — согласился Пелле Йолсен, постукивая пальцами по столу, словно в подтверждение своих слов. — Не бойтесь, произнесите это громче! — И Йолсен глотнул пива. — Это же как... как попасть в клетку! В запертую клетку!

Сандемос кивнул:

— В некотором смысле похоже на тюрьму, верно подмечено!

И вдруг он замолчал и загадочно посмотрел, как будто его осенило:

— Погодите-ка...

— Ну что там у вас?

— Да вот пришла одна мысль...

— В самом деле? И какая?

— Ваше рассуждение привело меня к тому, что... возможно, это покажется вам странным... но всё же, если выслушаете до конца...

— Инспектор, короче!

— В общем... Я думаю, нам нужен свободный во всех смыслах человек. Чтобы одиночество его не тяготило, нечего было терять и некуда возвращаться. И желательно без семьи.

— Как-то вы мрачно всё описали, — задумался Пелле Йолсен. — И что, у вас есть кто-то на примете?

— Нет, но думаю, что в таком месте, как Бастой, не составит труда найти того, кто нам нужен.

— Бастой? А что это?

— Тюремная колония.

Йолсен вздрогнул:

— Заключенный? А! Да это вы так шутите!

— Ну почему... Заключенному нечего терять, кроме тюрьмы. Понимаете, работа на маяке — это как отбывание наказания и какое-то полезное дело одновременно. Практически искупление вины. Разве нет?

— Вы в своем уме?

— Да ладно вам. Сейчас уже никого не удивишь такими работниками. Для городской администрации — отличный выход: дешево и без особых проблем!

— Не могу поверить своим ушам!

— Да что же вас так удивляет?

— Ваше безрассудство! Вы предлагаете доверять жизни невинных и честных моряков, путешественников, торговцев, женщин и детей тому, кого осудили за чудовищные преступления? Человеку, заведомо ни во что не ставящему других! Для такого законы и принципы — пустой звук! Как вам вообще пришла в голову такая глупость?

— Глупость? Но...

— А теперь послушайте меня внимательно. У вас есть дети, так ведь? И у меня. Представьте себе, что они находятся на судне, идущем в порт. Но заключенный — да-да, смотритель маяка — смастерил плот и сбежал с острова. Или, например, напился, или просто уснул. Что в итоге? Верно, свет на маяке погас. Представьте, что корабль с вашей семьей врезался в скалы. Ну и что, как вам это?

Он истово перечислял аргументы, и его рыхлый двойной подбородок покачивался вправо-влево:

— Вся ответственность в этом случае — на вас. Это вы назначили ненадежного человека смотрителем! Да вас растерзает чувство вины! Вам не будет покоя! Нет, поверьте, мы никогда не сможем полностью

доверять заключенному! Тому, кто однажды переступил законы общества! И это постоянное подозрение, сомнение — даже если оно вначале незначительно — источит душу, как червь!

Мысль о собственных тонущих детях напугала инспектора Сандемоса. Он задумался, где еще можно найти смотрителя маяка.

После нескольких минут молчания и двух глотков Пелле Йолсен заявил:

— Самым верным будет подать объявление. Но, к сожалению, на такой поиск уйдет много времени.

— И денег, — добавил инспектор. Должность приучила Сандемоса никогда не упускать из виду экономическую составляющую дела.

Рядом с ними у длинной барной стойки одиноко стоял мужчина, склонивший тяжелую голову над стаканом. Он попросил еще акевита, не престанно стуча по пустой бутылке, как голодный ребенок, который ждет не дождется еды. Трактирщик посмотрел ему в лицо, произнес по слогам: «Хватит тебе на сегодня». Он знал: этот пьяница глухой, но на трезвую голову умеет читать по губам.

Кто-то из постоянных посетителей ухмыльнулся. К Немому здесь давно привыкли, и никто уже не удивлялся его неводержанности в выпивке и необычному поведению.

Немой, казалось, не распознал слова трактирщика и с новой силой принялся колотить в бутылку — грязный, грубый, несчастный — словом, такой, как всегда.

Инспектор подумал немного и спросил:

— А например, он... Что скажете?

— Кто? Немой, что ли?

— Раньше он служил — до того, как обгорел. На «Наяде» рулевым.

— Герой битвы при Лингёре?

Инспектор кивнул:

— Так и не скажешь по нему, да?

— Ну... Лингёр был тысячу лет назад, — поспешно произнес Йолсен. — И, как бы то ни было, маяк — не корабль.

— Но он наверняка знает море и капризы погоды. А это не стоит недооценивать, поверьте. К тому же привык к одиночеству. И... ему точно нечего терять... Взгляните на него. Ни за что на свете я бы не хотел поменяться с ним местами!

— Возможно, он и был моряком, как вы говорите. И даже служил на бесстрашной «Наяде». Вероятно также, что он не виноват в том, что с ним случилось, — я про его ожог и всё остальное... Но сейчас этот человек — просто пьяница, — с некоторым цинизмом произнес Пелле Йолсен и поднял бокал. — И доверия ему не больше, чем какому-нибудь осужденному. Всё-таки надо сделать объявление и ждать.

Тем временем Немой не унимался и беспощадно стучал по бутылке, пока она не разбилась и не поранила ему руку.

— Эй! Смотри, что ты натворил, пьяница проклятый! — завопил трактирщик. — Ты и так должен мне денег! Когда думаешь расплачиваться? Чтоб тебе пусто было! Бесполезно с тобой разговаривать! Выметайся отсюда! — И он указал на дверь. — Чтобы я больше тебя не видел!

Немой, равнодушный к этой пылкой речи, смахнул осколки на пол, угрожающе вытянулся и ударил кулаком по барной стойке, оставив кровавый след.

Но трактирщик знал, что всё это — безобидные выходки, и не обратил на угрозу Немого никакого внимания, а только покачал головой и отвернулся. Немой огляделся — в поисках понимания и поддержки, но встретил только равнодушные взгляды и смешки. С жалким видом он вышел из трактира.

4

Невероятным образом судьба сочиняет события, и всего через несколько дней Немой стал главным действующим лицом происшествия, которое заставило Пелле Йолсена поменять свое мнение.

Торговец вместе с супругой Хельгой шли по загруженной улице Киркевей, возвращаясь от доктора Олофсона. Они водили к нему младшую дочь, семилетнюю Гюнхиль. Некоторое время назад на девочку напала странная хандра: никто и ничто ее не интересовало. Гюнхиль часами рассматривала тени на стене и узоры на шторах или одна играла с любимыми куклами, избегая общества матери и сестер. На вопросы не отвечала, а если кто-то всё же настойчиво пытался выяснить, что случилось, девочка еще больше замыкалась в себе, безразличная ко всему на свете. Доктор Олофсон, который наблюдал ее с рождения, никаких физических недугов у ребенка не обнаружил. Скорее всего, проблема была в голове, и доктор не знал, как помочь несчастным родителям.

Супруги Йолсен возвращались от Олофсона в подавленном состоянии. Хельга боялась, что рано или поздно ее дочь окажется в одном из казенных домов — одинокая, со связанными — чтобы не причинила вреда себе или другим — руками, и, всеми забытая, станет ожидать смерти, как освобождения. В одном из таких ужасных мест в Кристиансанне, взаперти, находился двоюродный брат ее матери. Однажды ночью, когда ему было всего двенадцать лет, он попытался заколоть отца. Это, к счастью, не удалось, но тогда мальчик поджег дом. Погруженные в печальные мысли, Пелле и Хельга не заметили, что Гюнхиль осталась стоять на дороге, разглядывая что-то светящееся вдалеке. Вдруг из-за угла на скорости вылетела повозка. На другой стороне улицы закричала женщина:

— Стойте! Здесь ребенок!

Супруги обернулись и увидели, что кто-то быстрый и ловкий появился словно из-под земли, схватил малышку Гюнхиль и перенес ее на тротуар — целую и невредимую.

Этим внезапным спасителем был тот, кто коротал свои унылые дни за бутылкой вина в полумраке портовых таверн. Немой.

Он поправил на малышке платье и погладил ее мягкие густые волосы — ему показалось, они были того же цвета, что и его любимые

подснежники. Девочка посмотрела на него — но не так, как те, кто впервые видит его изуродованное лицо, отпрыгивая подальше со страхом и отвращением, будто он заразный. Нет, Гюнхиль взглянула на него своим привычным, спокойным, безразличным ко всему взглядом. Как ни странно, равнодушие больной девочки, не понимавшей, что происходит, тронуло Немого. Судьба приучила его не ждать благодарности, и, поймав быстрый взгляд Пелле Йолсена, он развернулся и молча ушел, похожий на тень.

5

— Никогда не догадаетесь, что со мной приключилось сегодня! — тем же вечером приветствовал торговец Сигурда Сандемоса из-за прилавка своего богатого магазина. Инспектор зашел за новой бритвой и не ожидал услышать нечто удивительное.

— Да ну! И что же?

— Я встретил его!

— Его, говорите?

Пелле Йолсен думал о нем весь день. Он размышлял о глазах Немого, и чем глубже он мысленно всматривался в них, тем больше убеждался, что они не имели ничего общего с телом, которое им досталось. Во взгляде Немого не было ни пустоты, заливаемой вином, ни бедности, ни убожества, ни того, что Пелле понимал под отчаянием.

— Немой! Помните? Несколько дней назад мы видели его у мадам Столтенберг... Вы еще сказали тогда, что он подошел бы на роль смотрителя маяка...

— А, ну да, да... пьяница...

Внимание инспектора было приковано к сверкающему бритвенному станку с перламутровой рукоятью. Ему не терпелось поддержать его.

— Какое тут лезвие?

— Дамасская сталь! Лучшее предложение!
— Лучшее, да? — Сандемос прикоснулся к острому краю кончиком пальца.

— Я про того Немого...
— Угу... А сколько вы хотите за эту бритву, друг мой?
— Двенадцать риксдалеров.
— Двенадцать? Не многовато ли? Это всего лишь бритва!
— Не всего лишь! Это тончайший инструмент! Так что, вам неинтересно услышать про мою утреннюю встречу?
— Интересно. Рассказывайте же. Я весь внимание.

Йолсен пересказал инспектору события этого утра.

— Благородная душа. Ничего не скажешь, — рассеянно произнес Сандемос и положил на прилавок бритву, которую до этого не выпускал из рук. — Может, всё-таки опустите до десяти?

— Десяти?
— Ну да. По-моему, хорошая цена за бритву.
— Берите. Но с условием, что вы поможете мне его найти!
— Немого, что ли?
— Да. Я хочу поговорить с ним.
— О чём?

Йолсен взглянул на время, вынув карманные часы на цепочке.

— Время закрываться, — сказал он. — Берите бритву и пойдем! Сегодня я вас угощаю!

Они искали Немого у мадам Столтенберг и в портовой таверне, в «Хромой гусыне» и у старика Хетиля Хансена, который никогда никого не прогонял — даже тех, у кого не было ни копейки; они побывали в игорном доме Мёркемуга и в темных переулках с дурной славой, где собирался лихой народец, чтобы подраться, покурить, посплетничать и смерить друг друга злым мрачным взглядом. Они заглянули даже в припортовые бордели: все знают о них, но никто никогда не признается, что бывал там. Однако Немого так нигде и не встретили. Между тем вечер закончился, а ночь еще не наступила.